

Критика как «хозяйка литературного процесса»

Теория соцреализма предписывает различать понятия метода и направления. Как направление соцреализм достиг наиболее полной самореализации именно в послевоенное десятилетие — ни в довоенный период, когда соцреализм *еще* утверждался в качестве теории и практики «государственного искусства», ни в постсталинский период, когда основные попытки теоретиков соцреализма сводились *уже* к тому, чтобы каким-то образом связать медленно уходящую от догм литературу с прежней эстетической доктриной — соцреализм не являл собой столь *чистой* формы, каким фиксируется он в культуре позднего сталинизма.

Здесь нельзя пройти мимо во многих отношениях знаменательного обстоятельства: в структуре литературного процесса резко сужаются факторы динамики собственно литературы (прозы, поэзии, драматургии) и резко возрастают на этом фоне факторы динамики собственно критики. Эти две взаимосвязанные сферы литературного процесса здесь ощутимо различны. Импульсы к движению шли извне — они задавались в виде директивных указаний, мнений «партийной печати» (газеты «Правда» и «Культура и жизнь», журнала «Большевик»), установочных статей и т. д. Критика могла оперативно реагировать на эти импульсы — литература практически никогда не успевала (лишь в случаях, когда кампания обретала перманентный характер и длилась относительно долго, литература успевала с «откликом» — так было во время борьбы с «низкопоклонством и космополитизмом», когда в литературе даже сформировался жанр так называемой «патриотической пьесы»). Это постоянное «отставание» литературы в системе соцреализма (в данном случае: парадоксальное отставание «практики» от «теории») самой культурой предопределяется и фиксируется.

В результате возникает ситуация, при которой литература продолжает разработку своих тем (производственная, колхозная, историко-революционная, воен-

ная, борьбы за мир, дружбы народов и т. д.), а критика обретает статус культурогенного фактора, «порождает» («генерирует») культуру: корректирует характер постановки проблем, определяет круг этих проблем, направляет, формулирует и т. д. Отсюда — такое пристальное внимание директивных инстанций именно к критике — едва ли не половина проводившихся идеологических кампаний и работок была связана с критикой.

Стоит вслушаться в голоса самой культуры: «Подобно мудрому садовнику, советская литературная критика призвана возвращать богатый сад советской литературы, тщательно выпалывая чертополох и сорняки, бережно ухаживая за ростками новых талантов»³. Это — из передовой статьи, а вот — из записных книжек П. Павленко: «Критик — приемщик вещи от имени общества, его инспектор по качеству»⁴. Здесь важно не то даже, что критик связан не с обществом — он «приемщик» и «инспектор» от имени государства, а другое — писатель так и понимает функции критика, формулируя это понимание как данность в записях, даже не предназначенных для публикации.

Установка, диктуемая самой логикой соцреализма, сводится к тому, что критика должна находиться *впереди* литературы. Само это обстоятельство фиксирует как новую модель и структуру литературного процесса (он становится иерархичным, а высшая — формулирующая — инстанция — критика мыслится *вне и над* литературой), так и новый статус критики. В статье «Задачи литературной критики» (открывавшей дискуссию на страницах журнала «Октябрь») А. Фадеев писал: «Мы должны стремиться к созданию нового типа критиков, критиков ленинского типа,.. умеющих быть *хозяевами* литературного процесса и *направлять* его... Наша критика должна играть *руководящую идейную роль* в литературе»⁵ (курсив мой. — Е. Д.). Характерно, что роль критики в литературе описывается буквально в тех же выражениях, что и роль партии в советском обществе. В ходе этой дискуссии В. Озеров призывал: «Пусть поскорее предстанут они (критики. — Е. Д.) перед читателем... как хозяева литературного процесса, умело направляющие советскую литературу по пути социалистического реализма!»⁶

Быть «хозяевами», «направлять», «вносить ясность в головы писателей», «руководить» — это понимание функций и целей критики конкретизировалось: «Долг советского критика — ... рассказать мировому читателю о силе социалистического реализма. Долг советского критика — ... показать, как наши писатели воплощают тему советского патриотизма, как гармонически сочетаются в их произведениях национальные традиции с коренными интересами трудящихся. Долг советского критика — ... показать наш творческий метод изображения положительного героя. Долг советского критика — не в абстрактных рассуждениях, а в деталях формы, на мелочах сюжета показать, как в нашей литературе органически сливаются передовая политическая мысль и живое поэтическое чувство. Долг советского критика — дать живые и яркие портреты наших лучших художников слова, продемонстрировав тем самым, насколько обогатилось и расцветилось их творчество благодаря активному участию в политической жизни...»⁷ Помимо этого, критика должна была выполнять еще и некоторые функции футурологического свойства. Как то: «осветить прожектором путь вперед, в литературу коммунизма»⁸, или: «критика должна видеть не только то, что уже создано, но и то, чего еще нет в нашей литературе, но в чем назрела насущная необходимость, указать на это писателям, стимулировать появление произведений, которые отвечали бы новым, растущим потребностям нашего народа, — в этом сказалась бы активность нашей критики, ее воспитательное и преобразующее значение»⁹.

Критик, таким образом, не только оказывался *над писателем* («Критик не может сказать поэту: «будь талантлив!» Но критик вправе сказать ему: «освободись от заблуждений»¹⁰ — здесь сказывалось и соответствующее понимание писательского творчества, о чем разговор ниже), но и *над временем* — «нелегкая, но почет-

ная обязанность критики» усматривалась в умении «видеть и указывать не только прошедшее нашей литературы, но и ее будущее»¹¹. Так писала З. Кедрина в статье, построенной на футурологических допущениях («Представьте себе, что вы читатель 2001 года. Вы родились при коммунизме. Вы студент литературного факультета...»¹²). «Советская литературная критика, подобно советской литературе, должна уметь заглянуть в будущее, уметь предвидеть»¹³ — подчеркивалось в редакционной статье «Нового мира», подводящей итоги дискуссии о критике.

Этот «будущего зов» — характерный знак соцреалистической ментальности, и его универсальность, как можно видеть, проявляется в сферах самых неожиданных: «сегодня критику, прежде всего и более всего, хочется быть разведчиком: не тащиться в обзоре литературного процесса, а шагать впереди, чтобы иметь право вовремя сказать: «я знаю верную дорогу!» Это очень редко удается критике, но именно к этому она стремится всячески, это ее мечта»¹⁴. Такое понимание задач критики формировало соответствующий «горизонт ожиданий» и у читателей: «задача литературной критики заключается в том, чтобы направлять внимание читателя и писателя на нового героя новой действительности, а не только заявлять об уже написанных образах: “Федот, да не тот”. Мы ждем от критиков, чтобы они стали учителями и наставниками, прежде всего, читателя и помогали развитию и совершенствованию нашей литературы. Мы хотим верить критику. Но это произойдет тогда, когда критик будет обладать художественным чутьем, способностью видеть дальше нас, читателей, понимать события глубже...»¹⁵, — говорят инженеры завода «Серп и молот» на страницах «Нового мира».

Этот взгляд на задачи критики соответствовал пониманию самой литературы: «Советская литература является мощным идейным оружием партии. Наше оружие должно разить врага метко, без промаха»¹⁶. Эта военная терминология доминировала в культуре. Выступая на философской дискуссии, А. Жданов говорил: «Разве наш философский фронт похож на настоящий фронт? Он скорее напоминает тихую заводь или бивуак где-то далеко от поля сражения. Поле боя еще не захвачено, соприкосновения с противником большей частью нет, разведка не ведется, оружие ржавеет, бойцы воюют на свой страх и риск, а командиры или упиваются прошлыми победами, или спорят, хватит ли сил для наступления, не следует ли потребовать помощи извне». В том же тоне было выдержано выступление Жданова и на совещании деятелей советской музыки, где он сравнил Оргкомитет Союза композиторов с генералитетом без армии. Понятия «литературный фронт», «критический фронт» пришли в соцреалистическую критику из рапповского и лефовского лексикона. Соцреализм оперировал ими следующим образом: «Нельзя сказать, что в писательской среде боятся вступить “в соприкосновение с противником”, однако порой, вступая с ним в соприкосновение, некоторые писатели вели себя непоследовательно. Неумение сражаться по-боевому, по-ленински наглядно проступило в развернувшейся борьбе с чуждыми нам компаративистскими воззрениями Веселовского и его эпигонов... еще не все писатели обладают необходимой боеспособностью и стойкостью,.. фронт литературы — фронт действующий, он чуток к вопросам идейной борьбы и учится бить врагов советской идеологии с максимальной пользой для процветания нашей литературы»¹⁷. Этот голос звучит со страниц «Нового мира» в 1948 году, но не будь здесь ссылок на порицаемый компаративизм, кто отличил бы его от голосов (по пафосу и лексике), энергично провозглашавших те же постулаты за два десятилетия до того рапповцами и лефовцами?

Постановка военных задач естественно превратила критика в «бойца идеологического фронта». Но критик не просто боец: «Критик, как и всякий литератор, обязан всегда и во всем руководствоваться тем, что составляет жизненную основу советского строя, — его политикой.., критик должен помогать партии воспитывать народ и вооружать его идейно, воспитывать новое поколение бодрым,

верящим в свое дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть все и всякие препятствия... Советский литературный критик — это пропагандист идей коммунизма и страстный агитатор за их жизненное воплощение, вдохновенный трибун идей советского патриотизма, непримиримый борец против всего враждебного им»¹⁸. Критика, таким образом, превращалась в партийно-политическую работу, а критик, соответственно, в политработника. В пределе соцреализм превращал критику в институт комиссаров литературы при армии «инженеров человеческих душ».

Важно при этом, что соцреализм стремился к расширению этого института — прежде всего за счет науки: «Критики должны стать литературоведами, а литературоведы — критиками»¹⁹. Это означало, соответственно, что задачи теории литературы сводятся к тому, чтобы «изложить марксистско-ленинское учение о литературе..., подвергнуть глубокой критике и показать с диалектико-материалистической точки зрения реакционность и антинаучность буржуазно-идеалистических представлений о литературе, раскрыть сущность, закономерности и огромное общественное значение самой передовой в мире советской литературы, подчеркнуть ее кровную связь с народом, ее советский патриотизм, ее преданность идеям коммунизма»²⁰. А поскольку «марксистско-ленинская эстетика рассматривает литературу как острейшее оружие в борьбе классов»²¹, то ясно, что наука о литературе переводилась в статус идеологической дисциплины и включалась в «борьбу».

Показательно при этом, как понимались культурой «ошибочные» представления науки: «Попытка ревизовать сущность метода социалистического реализма приводила к походу против наиболее выдающихся, наиболее жизненных, наиболее партийных произведений советской литературы, к извращению их существа. Критики и литературоведы, стоящие на ошибочных позициях, наносят ущерб нашей литературе, мешают делу ее дальнейшего развития, сбивают ее с верных путей, пытаясь навязать нашим писателям ложные, схоластически-формалистические представления о существе метода социалистического реализма, о задачах советской литературы, то есть разоружить их, лишить их творчество партийности, идейной направленности...»²² Сами понятия, в которых мыслится весь этот процесс — «ревизовать», «поход против», «ущерб», «мешают делу», «сбивают», «пытаются навязать» и т. д. знаменательны²³.

Таким образом, требования, предъявляемые литературе, расширялись на критику, еще шире — на литературоведение, еще шире — на эстетику в целом, ибо «эстетика... теоретически формулирует требования, предъявляемые к искусству»²⁴, она должна «воспитывать в советских людях художественные вкусы, соответствующие всему строю советской жизни»²⁵. Пределом идеологизации гуманитарных наук было наделение теми же функциями философии, что было выражено в требованиях, с которыми выступил А. Жданов в ходе философской дискуссии. Однако, этот расширяющийся круг замкнут: здесь, очевидно, срабатывает внутренняя логика самой культуры с ее абсолютным неприятием «ненаучности» и «стихийности».

«Критика, опирающаяся на ненаучную эстетическую теорию, становится произвольной, субъективистской, беспринципной»²⁶. Характерно, что и первые сдвиги, обозначившие начало нового этапа литературного развития, связаны именно с критикой — новомирскими статьями и рецензиями В. Померанцева, Ф. Абрамова, М. Щеглова и М. Лифшица. Осуждение линии «Нового мира» (прежде всего за публикации по отделу критики), закончившееся первым снятием А. Твардовского с поста главного редактора, сопровождалось характерными формулировками. Отмечалось, что публикации указанных авторов «служат развязыванию мелкобуржуазных, анархистских, нигилистических настроений, оживлению буржуазно-эстетских взглядов и теорий» потому, что «они означают атаку на идеологические, теоретические, жизненные основы литературы социалистического реализма»²⁷.

Итак, произвольность, субъективность, беспринципность, с одной стороны, анархизм и нигилизм, с другой. Эти понятия — из области демонологии соцреалистической культуры, а выводы о научности и объективности постулируемых ценностей (отсюда — неприятие субъективности и произвольности) и о системности и устойчивости их (отсюда — неприятие «анархизма» и «нигилизма») были по-своему последовательными и внутренне обоснованными.

Итак, «литературный критик в нашем советском представлении — это человек, который не может проходить равнодушно ни мимо прекрасных явлений литературы, ни мимо отрицательных. Это человек, для которого пропаганда достижений нашей литературы, пропаганда всего нового в ней, борьба со всем остальным — кровное, жизненное дело. Литературный критик — это человек, который говорит о произведениях литературы по мандату долга. Чем больше таких критиков будет у нас, чем активнее будут они выступать в печати, тем скорее сможет литературная критика преодолеть свое отставание и выйти в авангард нашей литературы»²⁸. Так кто же такой литературный критик? Человек, который не может пройти *мимо чего бы то ни было*, пропагандирует *все*, борется *со всеми*, делая это «по мандату долга», находится в авангарде, а значит, впереди самой литературы. К этому смоделированному в соцреализме человеку и его ментальности стоит присмотреться.